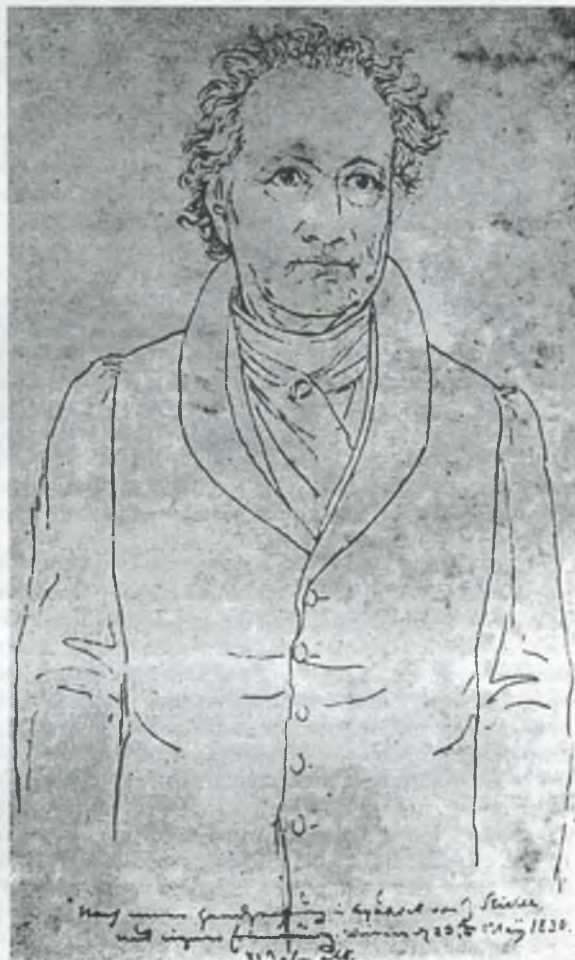

ГЁТЕ И БЕТХОВЕН

Этот рассказ о встрече и отношениях Гёте и Бетховена принадлежит Ромену Роллану. Фрагменты из него мы помещаем здесь в переводе Михаила Кузмина, который совмещал в себе дар поэта и композитора.

Иоганн Вольфганг Гёте.

Людвиг ван Бетховен.

Находясь в июле 1812 года в Карлсбаде, Гёте получил от своего великого герцога приглашение немедленно явиться в Теплиц, где молодая австрийская императрица желала с ним побеседовать. Гёте едет в Теплиц. Уже с неделю там находится Бетховен. Гёте приехал не ради него. Но оказавшись поблизости от Бетховена, он, без сомнения, вспомнил увлекательный портрет музыканта, нарисованный ему Беттиной¹, а также пламенное желание, выраженное Бетховеном, повидать его. Любопытство коллекционе-

ра душ взяло верх над тревогой подсознательного «я». Гёте отправился к Бетховену.

Теплиц в то время был полон императоров, императриц, эрцгерцогских павлинов и придворных пав. Бетховен был не из тех, кого ослепляют их оперения. Он угрюмо пишет:

— Мало людей, и среди немногих, какие есть, ни одного выдающегося... Я здесь одинок — одинок!..

Вот когда он пишет восьмилетней девочке свое чудесное письмо, содержащее знаменитые слова: «Я не знаю другого признака превосходства, кроме доброты».

Но в тот же день в деловом письме к своим издателям он неожиданно вставляет: «Гёте здесь!»

¹ Беттина фон Арним — немецкая писательница.

Его сердце затрепетало...

Гёте поступил благородно. Он первый посетил Бетховена (в воскресенье 19 июля). И подобно Беттине, подобно столь многим другим, он с первого же взгляда был покорен. В тот же день он пишет жене: «Более сосредоточенно, энергично, проникновенного художника я еще никогда не видал».

Это не мало! За всю свою жизнь Гёте не удостоил ни одного другого человека таким признанием его превосходства.

Какое глубокое прозрение! Безудержная энергия, сверхчеловеческая сила сосредоточенности, океан внутреннего мира... Око Гёте, его великое око, открытое на всю вселенную, более свободное, более правдивое и пронизательное, чем его ум, все уловило с одного взгляда: все существенное в гении Бетховена, в его неповторяемой личности.

Доказательством сильного впечатления, которое произвел на Гёте Бетховен, является то, что на следующий день, 20 июля, они совершили вместе прогулку. А еще через день, 21 июля, Гёте снова посетил вечером Бетховена. Он еще раз пришел к нему в четверг 23 июля; и Бетховен играл для него на фортепиано...

Но через четыре дня, 27-го, Бетховен покинул Теплиц, так как врач послал его в Карлсбад; Гёте мог застать его там лишь с 8 по 11 сентября. Встречались ли они в Карлсбаде? Мы этого не знаем. 12-го Бетховен снова выехал из Карлсбада в Теплиц, куда Гёте больше не возвращался. И на этом все кончилось. До конца своей жизни они уже больше не встречаются.

Что же произошло? Какой благородный порыв толкнул их друг к другу? Несомненное влечение в первые дни... А затем — молчание...

Нас осведомляют на этот счет два письма, сохранные для нас Беттиной и, на этом основании, подвергнутые сомнению; однако их моральная точность доказывалась, по моему мнению, подробностями, которые я ниже изложу, и двумя другими письмами, на этот раз абсолютно достоверными: от Бетховена к Брейткопфу (9 августа 1812 г.) и от Гёте к Цельтеру (9 сентября 1812 г.), — не говоря уже о теплицких рассказах, очень красноречивых.

Я постараюсь рассмотреть и изобразить обоих людей такими, какими они были, со всем их величием и со всеми их слабостями. Ибо слабости свойственны гениям в такой же мере, если не в еще большей, как обыкновенным людям. И у Бетховена, как у Гёте, их было немало.

Наиболее благородным, как я уже сказал, вначале выказал себя Гёте. Он протянул руку Бетховену. Он был с ним настолько сердечен, насколько это допускала его натура, всегда немного чопорная вне пределов его искусства и тесной интимности. Бетховен не разочаровал его: впечатление от второй встречи не ослабило первого. Но впечатление Бетховена было, по-видимому, не столь удовлетворительным. Этот поэт, рисовавшийся ему в мечтах с самого детства в виде орла с широкими крыльями, летящего против ветра, предстал ему в образе тайного советника, весьма озабоченного этикетом и чтящего чины, чрезвычайно воспитанного светского человека, чванного, всегда за собой следящего и никогда не дающего волю своим искренним чувствам, — человека, который, выслушав импровизации Бетховена за фортепиано (а мы знаем, каким бурным потоком были его импровизации!), учтиво заметил, что он «играл прелестно...».

Несомненно, что Гёте, не зная, что сказать о самой музыке, расхвалил музыканта за беглость его пальцев и «жемчужную» игру, сделав при этом растроганное и проникновенное лицо. Но художественного суждения, суждения мудрости, которого Бетховен ждал от Гёте, не последовало, ибо

Гёте в сущности ничего не думал о его музыке: он ее не понимал...

Бетховен вскипел...

Беттина передала нам эту сцену, при которой она не присутствовала, но которую Бетховен, весь клокоча, тотчас же ей рассказал; и, конечно, она не преминула подлить масла в огонь.

Беттина приехала в Теплиц вечером 23 июля вместе со своим мужем Арнимом и сестрой Савиньи. Она никак не ожидала, что застанет там Гёте и Бетховена. Значит, эта встреча между ними, которой она так страстно желала и которую она так упорно подготавливала, наконец состоялась! И (какая печаль!) она не могла при ней присутствовать. Гёте тщательно избегал Беттины, тем более что Христиана издали за ним следила. В том, что Беттина пожаловалась на свою участь покинутой Ариадны «Ваху музыки» (как она окрестила Бетховена), не может быть сомнений; и ясно, что Бетховен, весьма чувствительный к очарованию Беттины и ее верной дружбе, принял ее сторону. У него не было больше причин смягчать свое раздражение, вызванное вечером, проведенным им с Гёте. Он высказал его, ничего не утаив.

Вот необыкновенная сцена — описанная (или рассказанная) в самом подлинном бетховенском стиле, — сцена, в которой оба великих художника выступают по отношению друг к другу в весьма неожиданных ролях; ибо Гёте оказывается здесь до слез растроганным, а Бетховен сурово распекает его за сентиментальность.

«Он кончил играть, — пишет Беттина. — Увидев, что Гёте выглядит глубоко взволнованным, он сказал:

— О сударь, этого от вас я не ждал!.. Как-то раз, — дело было уже давно, — я давал в Берлине концерт; я выбивался из сил и думал, что кое-чего достиг; я ожидал успеха; и вдруг, после всех затраченных мною усилий, ни малейшего знака одобрения!.. Поверьте, мне это было очень тяжело! Я не мог понять, в чем дело... Но вскоре все объяснилось; вся берлинская публика была тонко воспитана; в виде благодарности они приветствовали меня мокрыми от слез платочками. Я увидел, что имею дело с «романтической», а не артистической аудиторией... Но от вас, Гёте, я не могу этого принять. Когда ваши стихи проникают в мозг, я гордо стремлюсь подняться на такую же высоту, как вы. Очевидно, мне это не удалось... В противном случае (ваше) восхищение выразилось бы иначе. Вы, однако, должны знать по себе, какую отраду это доставляет, когда вам аплодируют понимающие руки! Если вы меня не «признаете», если вы меня не считаете равным себе, то кто же это делает? От какого нищего должен я ждать такого признания?..»

Первый урок, преподанный Гёте! Кто с ним говорил когда-нибудь таким тоном?.. Беттина описывает смущение Гёте: «Ибо он сознавал, что Бетховен был прав».

Начиная с этого момента, Бетховен, настроенный против Гёте, ничего больше ему не спускает.

Они отправляются вместе на прогулку. Бетховен берет Гёте под руку. В Теплице и на дорогах за городом они встречаются с гуляющими аристократами. Гёте отвешивает во все стороны поклоны, которые раздражают Бетховена; и когда он говорит о дворе, об императрице, то не иначе как в «торжественно почтительных» выражениях.

— Полноте! — ворчит Бетховен. — Вы не должны этого делать; в этом нет ничего хорошего. Вы должны прямо бросать им в лицо все, что у вас есть в мыслях. Иначе они не обратят на вас внимания. Нет такой принцессы, которая признала бы Тассо, если только ее не мучит зуд честолюбия. Я обращался с ними совсем иначе! Когда мне приходилось давать уроки эрцгерцогу, он однажды заставил меня ждать в передней. Я хлопнул его по пальцам; и когда он спросил меня, почему я так нетерпелив, я ответил, что по-

терял время в его передней и истратил там все свое терпение. После этого он больше не заставлял меня ждать; я бы ему объяснил глупость таких манер, которые только подчеркивают их собственную скотскую тупость. Я ему сказал: «Вы можете любому человеку прицепить орден: он не станет от этого ни на волос лучше. Вы можете изготавливать гофра тов, г е х е й м р а т о в, но вы никогда не изготовите Гёте или Бетховена. Поэтому учитеесь уважать то, чего вы не можете создать (и до чего вам очень далеко)! Это будет вам полезно!».

Второй урок. Каким хмурым оком воспринял его бюститель иерархий и общественного порядка!..

В эту минуту на дороге показываются, направляясь им навстречу, императрица, герцоги, весь двор. Бетховен говорит Гёте:

— Не отнимайте своей руки! Это они должны посторониться. Не мы.

Гёте, сообщает Беттина, посмотрел на дело иначе (сцена эта хорошо известна); он высвободил руку, за которую его держал Бетховен, и отошел в сторону, сняв шляпу. Бетховен, развесив руки, врезался прямо в великокняжескую толпу и прошел через нее как болид. Он только слегка приронулся к краям своей шляпы. Они вежливо расступились, и все дружески его приветствовали. Миновав их, Бетховен дождался Гёте, продолжавшего церемонно раскланиваться. Затем сказал ему:

— Я дождался вас, потому что я чту вас и уважаю, как вы этого заслуживаете; но вы оказали им слишком много чести.

Третий урок. И на этот раз наглядный, — потому что наставление сопровождалось примером. На этот раз чаша переполнилась. Как ни заслужено было нравоучение, человек склада Гёте не мог позволить драть себя за уши, как школьника!.. Догадывался ли наш Бетховен, скольких мужественно выдержанных испытаний, горьких опытов, жизненной мудрости стоили Гёте его общественное принуждение и принятие этого порядка? Даже если Бетховен был прав, его манера показывать свою правоту была нестерпимой!

Гёте пишет Цельтеру (2 сентября 1812 г.):

— Мне довелось узнать Бетховена. Его талант изумил меня. Но только, к несчастью, это совершенно необузданная натура. Он несомненно прав, считая мир отвратительным; но своим поведением он не обогащает его радостями ни для себя, ни для других. Его нужно извинить и весьма пожалеть, потому что он теряет слух, — что, может быть, вредит ему в музыкальном отношении меньше, чем в общественном. Немногословный от природы, он теперь, из-за своей глухоты, становится еще вдвое лаконичнее.

Тон этих слов весьма умерен. Это самое мягкое, что Гёте мог сказать о Бетховене; и нужно быть ему благодарным за проявленное им чувство справедливости. Отметим это признание: «Он несомненно прав, считая мир отвратительным...»

Пессимизм, всегда старательно запрятанный!.. Кто умел читать в душе Гёте? Кто разглядел под дельфийскими лаврами, которыми его укутали, под нацепленной на него маской сурового Аполлона — тоскливую складку ноздрей, следы разочарований, смертельную серьезность и все те слабости, что таились на дне? Этот человек, избегавший волнений, зрелища болезни, образа смерти, всех трещинок в здании вселенной и нашего «я», всех видов неуравновешенности ... сам носил все это в себе; и только его мудрость смогла цементировать те плотины, без которых он бы затонул. Этот император жизни знает, на каких хрупких сооружениях покоится его империя и чего они ему стоили! Подобно строителю античной легенды, он замуровал не одно женское тело в свою каменную кладку! Сколькими жертвами ему пришлось купить —

не эгоистическое спокойствие (как говорят невежды, неспособные возвыситься до подобного удела), — но душевную ясность в своем творчестве и его свершение! О, конечно, он менее крепок, менее суров, менее мужествен, чем Бетховен. Бетховен — всегда в бою; он натывается на каждом шагу, ушибается, но он, не колеблясь, грудью бросается на врага. Гёте никогда не сражается. Никогда не спорит. Его гордость и его слабость согласуются в его отвращении к рукопашной. Он не связывается со своими противниками — которых он презирает — или любит (наиболее опасных!). У него только одно оружие, единственное, всегда одно и то же: встретив препятствие, он убегает не оглядываясь. Он изгоняет соприкосновение из своего взора и ума. В то время как жизнь его мысли была непрерывным завоеванием, его жизнь среди людей была постоянным отступлением. Он отходит в сторону и молчит... Но всего этого Бетховену не понять. Да и кто это понял? А Бетховен был менее всех способен это постичь...

После встречи Бетховен не стесняется в выражениях. Да, он менее сдержан, чем Гёте!

Придворный воздух слишком нравится Гёте. Больше, чем следовало бы поэту. Стоит ли говорить о смешных замашках виртуозов, если поэты, обязанные быть первыми учителями нации, готовы забыть все ради ложного блеска!

Он пишет это своим издателям. А это уже неосторожно — делиться своими впечатлениями с посторонними. Но он не ограничивается этим. Бетховен обладает большим недостатком: когда ему случается сказать кому-нибудь нечто обидное, ему недостаточно того, чтобы сказанное осталось между ним и его собеседником; он сообщает об этом всем. Задав Гёте, по его выражению, «головомойку», он спешит рассказать Арнимам об этой «славной шутке», потому что для него это — только шутка: «он радовался, как дитя, тому, что уколол Гёте». Понятно, что Арнимы не сделали из этой «шутки» секрета! Особенно восприимчивые, после ссоры с Гёте, к его слабостям, они в то же время были оскорблены его ролью царедворца; и они резко о нем отзывались в своих письмах из Теплицы.

Если бы еще Бетховен болтал только в кружке Беттины и близких к ней лиц! Но он передавал этот случай каждому встречному. Венский ювелир Иозеф Тюрк, торгующий во время сезона в Теплице, рассказывает всем желающим послушать о милой остроте, сказанной Бетховеном Гёте: в то время как они прогуливались вместе, приветствуемые на каждом шагу, и Гёте, не без некоторого самодовольства, заметил, что его крайне утомляет эта назойливость, Бетховен коварно ему сказал:

— Не утруждайте себя, ваше превосходительство! Может быть, это относится ко мне.

Как, должно быть, смеялся этот старший ребенок, радуясь своей выходке по адресу его превосходительства! И насмеявшись вдоволь, он быстро об этом забыл...

Да, но милая острота, обойдя город, вернулась к адресату. И Гёте не посмеялся ей. А еще меньше — его приверженцы, телохранители... За год перед тем Бетховен подружился в Теплице с молодым лейтенантом Варнгагеном фон Энзе и его «пассией» Рахилью, прекрасное лицо которой напоминало ему черты, некогда ему дорогие. На германском Олимпе, где Беттина играла роль развязной маленькой Гебы, присаживавшейся на колени к Юпитеру и пившей, как пчелка, из его чаши, Рахиль была Минервой, вышедшей из головы бога: держа стражу у подножия его трона, она следила хмурым оком, не допуская никаких фамильярностей. С того дня как Бетховен посягнул на престиж их бога, Рахиль и Варнгаген не знают больше Бетховена. Рахиль замолкает о нем в своем дневнике...